

ется же оно как непосредственно в суд по признаку территориальной подсудности, так и по сложившейся в Беларуси традиции и в РУ-РОВД, которые, установив в ходе проверки, что в данном случае речь идет о преступлении, преследуемом в порядке частного обвинения, выносят в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 174 УПК постановление о прекращении проверки и разъяснении заявителю права обратиться в суд.

Получив данное заявление, судья в соответствии с постановлением пленума Верховного суда Республики Беларусь от 31 марта 2010 г. № 1 «О практике применения судами норм УПК, регулирующих производство по делам частного обвинения» принимает по нему одно из следующих решений: 1) о принятии заявления, когда оно соответствует требованиям закона; 2) возвращении заявления для его приведения в соответствие с требованиями ч. 2 ст. 426 УПК; 3) отказе в принятии заявления при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу (например, в случае вступления в силу закона, устраняющего наказуемость деяния; в отношении лица, о котором имеются вступивший в законную силу приговор по тому же обвинению либо определение (постановление) суда о прекращении производства по уголовному делу по тому же основанию). Если будет установлено, что дело подсудно другому суду, судья не вправе отказать в принятии заявления по этому основанию, а, руководствуясь положениями гл. 32 УПК, выносит постановление о направлении дела по подсудности. Все эти решения в соответствии с указанным постановлением пленума оформляются постановлением.

Наиболее актуальным из них в контексте данной публикации является первое решение, так как именно с ним законодатель связывает трансформацию заявления в уголовное дело. Вместе с тем из закона никак не следует, когда, каким способом уголовное дело было возбуждено.

В соответствии с ч. 1 ст. 426 УПК дело частного обвинения возбуждается лицом, пострадавшим от преступления, либо его представителем, а также представителем юридического лица путем подачи в суд заявления о совершении в отношении его преступления. Но из изложенного выше видно, что судья может оказать в принятии поданного заявления, что исключает появление уголовного дела. Кроме этого согласно ч. 2 ст. 427 УПК «при необходимости получения объяснений, заключения специалистов и иных данных суд направляет заявление в орган дознания для проведения проверки». Изложенное не согласуется с вышеуказанной ч. 1 ст. 426 УПК, т. е. пострадавший дело не возбудил, хотя и подал заявление в суд.

Ответ на вопрос «когда же все-таки уголовное дело частного обвинения возбуждается?» можно получить только логическим сопоставлением норм, т. е. методом, неприемлимым для правоприменителя и порождающим дискуссию в теории. И это при том, что только акт возбуждения уголовного дела открывает возможность проведения процессуальных действий. С ним связано исчисление сроков судопроизводства, контроль за их исполнением, права участников процесса и т. п.

О том, что заявление с прилагаемыми к нему материалами приобрело форму уголовного дела, можно судить по норме ч. 3 ст. 426 УПК, согласно которой с «момента принятия судом заявления лицо, подавшее его, является частным обвинителем, а лицо, в отношении которого подано заявление, – обвиняемым». Речь идет об участниках уголовного процесса, которые имеют место только при производстве именно по уголовному делу. В связи с такой законодательной конструкцией открытыми остаются вопросы: что явилось актом возбуждения уголовного дела – подача заявления в суд или постановление судьи о принятии заявления; как подтвердить, что дело возбудил, как то зафиксировано в ч. 1 ст. 426 УПК, пострадавший от преступления либо его представитель или представитель юридического лица? Из нормативного регламента ответить на эти вопросы не представляется возможным. Но совершенно очевидна несогласованность указанных выше норм. И она далеко не безобидна.

Ведь если считать, что дело возбуждено с момента вынесения судьей постановления о принятии заявления, тогда открытым остается и такой важный для деятельности органа дознания вопрос: что конкретно судом (заявление или все-таки уголовное дело) направляется в орган дознания в случае, когда судья считает необходимым проведение по заявлению проверочных действий? Часть 2 ст. 427 УПК определенно говорит о заявлении и проведении проверки. Но это не согласуется с вышеуказанными решениями, которые выносятся судом при получении заявления. То, что в данном случае судья, получив заявление от заявителя, не вынес постановления о возвращении его для устранения недостатков заявителю, не отказал в принятии заявления, указывает на то, что иного решения, помимо принятия заявления к производству, у суда не могло быть. То, что судья не вынес соответствующего постановления, может означать, что судья или проигнорировал норму о вынесении постановления о принятии заявления, но при этом распорядился ходом движения этого заявления, или выполнил предписание закона о направлении при необходимости заявления органу дознания, умолчав о процессуальном решении по поступившему к нему заявлению.

Таким образом, изложенное позволяет, во-первых, подвергнуть сомнению норму ч. 1 ст. 426 УПК о том, что уголовное дело частного обвинения возбуждается пострадавшим от преступления. Если дело возбуждает частный обвинитель (заявитель, его представитель), то суд должен принять не заявление, а уголовное дело к своему производству. Реквизиты заявления должны кроме прочего содержать просьбу, ходатайство о принятии уголовного дела к производству, как это закреплено, например, в ч. 1 ст. 318 УПК Российской Федерации. Некоторые корректировки закона сделал в упомянутом выше постановлении пленум Верховного суда. Однако рассматриваемого аспекта законодательного регламентирования производства по делам частного обвинения он не касался. В связи с этим, во-вторых, в орган дознания суд должен был направлять не заявление, а уголовное дело, что влечет принципиально иную деятельность этого органа. Именно поэтому далеко не праздным является вопрос о правовой четкости регламентации возбуждения уголовного дела частного обвинения. И в-третьих, если актом возбуждения дела считать постановление о принятии судьей заявления, то из закона следует убрать фразу «дело частного обвинения возбуждается лицом, пострадавшим от преступления». Изложенное указывает на необходимость серьезного законодательного совершенствования норм, регламентирующих возбуждение уголовных дел частного обвинения. Следует подчеркнуть, что в только что принятых изменениях в УПК данная глава по-прежнему обойдена вниманием законодателя, равно как и в обсуждаемом в настоящее время проекте закона об очередных многочисленных новациях в УПК.

УДК 343.13

Р.В. Маджаров, М.А. Логанцова

СУЩНОСТЬ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ЧАСТИЧНОГО ПЕРЕРЫВА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

К настоящему времени в теории уголовного процесса стал традиционным подход к приостановлению предварительного расследования (ППР) как к перерыву в производстве по уголовному делу, в течение которого следователь должен принимать меры (т. е. осуществлять активную деятельность), направленные на устранение обстоятельств, его вызвавших. В той или иной степени данная позиция находит отражение в авторских дефинициях рассматриваемого понятия. Именно таким образом понятие ППР раскрывали еще И.М. Гуткин, Л.М. Репкин, С.П. Ефимичев и др.

И.В. Данько, В.А. Нечаева, Б.Т. Безлепкин не включают в дефиницию ППР указание на активную деятельность следователя (дознателя) после объявления перерыва в производстве по делу. Однако это не свидетельствует о наличии особой позиции, так как активная направленность следователя на устранение обстоятельств, препятствующих производству по делу, раскрывается ими при изложении действий следователя после ППР.

По нашему мнению, такое представление о сущности рассматриваемого института не совсем верно, поскольку сам процессуальный закон и прямо, и опосредованно предусматривает возможность осуществления процессуальной деятельности по приостановленному уголовному делу. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 247 УПК о ППР следователь должен письменно уведомить потерпевшего, гражданского истца и некоторых других участников процесса. Последние имеют право обжаловать принятое решение, их жалобы будут рассмотрены и разрешены в соответствии с положениями гл. 16 УПК. По приостановленному уголовному делу производится также задержание разыскиваемого обвиняемого, не исключено получение явки с повинной от лица, совершившего расследуемое преступление. С решением о ППР производство по делу полностью не прерывается и в какой-то степени продолжается без следователя. Это не противоречит п. 31, 35, 36 ст. 6 УПК, в соответствии с которыми под термином «производство по уголовному делу» понимается процессуальная деятельность не только следователя, но и других уполномоченных участников уголовного процесса.

В связи с этим более правильно определять ППР не через связь с термином «производство по уголовному делу», а посредством связи с деятельностью собственно следователя. Фактически в виде перерыва именно в ней рассматривает ППР приказ МВД от 29 ноября 2004 г. № 271 «Об утверждении Инструкции по организации учета, хранения, передачи, выдачи и инвентаризации уголовных дел в подразделениях предварительного расследования органов внутренних дел». Так, п. 14 гл. 1 инструкции закрепляет, что уголовные дела, производство по которым приостановлено по п. 1–3 и 6 ч. 1 ст. 246 УПК, в течение месяца с момента принятия данного решения помещаются в архив. По-видимому, поэтому 54,8% опрошенных следователей считают, что с приостановлением расследования их работа по делу прекращается. Однако данная позиция практических работников представляется не совсем корректной. Ведь те же уведомления участникам процесса о принятом по делу решении направляет именно следователь; ничто также не препятствует ему самому исполнить свое постановление о задержании разыскиваемого обвиняемого. Следователю наиболее правильно будет утверждать, что с приостановлением расследования деятельность следователя, в том числе процессуальная (она является исключительной процессуальной. – *Авт.*), прерывается не полностью, а только частично.

Возможность временного прекращения осуществления в связи с приостановлением расследования не всех, а отдельных процессуальных действий исходит из разнонаправленности задач, решаемых следователем в процессе производства по делу. Так, в ходе расследования деятельность следователя осуществляется в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности или принудительных мер безопасности и лечения (п. 47 ст. 6 УПК). При этом свою деятельность следователь осуществляет в формах, обеспечивающих соблюдение и защиту прав и законных интересов участников процесса, что в соответствии со ст. 10 УПК фактически образует самостоятельное направление его деятельности.

По мнению В.В. Вандышева и А.С. Шагиняна, с приостановлением расследования прерывается совершение процессуальных действий только в рамках первого направления следственной деятельности, а именно процесс доказывания. В связи с этим В.В. Вандышев приводит такое определение рассматриваемого понятия: ППР представляет собой «временное прекращение производства следственных действий по сборанию, проверке и оценке доказательств, обусловленное наличием обстоятельств, препятствующих завершению расследования».

Действительно, определяя условия ППР, УПК закрепляет, что до принятия данного решения «следователь обязан выполнить все следственные действия, проведение которых возможно в отсутствие обвиняемого, принять все меры по его розыску, а равно по установлению лица, совершившего преступление, либо по обнаружению безвестно исчезнувшего лица» (ч. 5 ст. 246 УПК). Исходя из этого, Б.Т. Безлепкин, Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин, П.С. Ефимичев и С.П. Ефимичев и другие полагают, что на момент ППР должно быть доказано событие преступления (совершение деяния, предусмотренного уголовным законом). Е.К. Черкасова и вовсе считает указанное требование закона равнозначным требованием об установлении всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Можно дискутировать с указанными авторами и уточнять отдельные моменты, однако, безусловно, стоит согласиться с тем, что из приведенной уголовно-процессуальной нормы следует, что на момент приостановления расследования подводится определенный итог именно доказыванию. Более того, о том, что с ППР прерывается именно процесс собирания и проверки доказательств, свидетельствует и ч. 2 ст. 247 УПК, которая не закрепляет доказывание в качестве цели деятельности следователя по приостановленному уголовному делу.

Таким образом, изложенное позволяет согласиться с В.В. Вандышевым и А.С. Шагиняном в том, что ППР представляет собой перерыв в деятельности следователя по сборанию и проверке доказательств по уголовному делу. При этом полагаем возможным уточнить данную позицию исходя из требований собственно белорусского уголовно-процессуального законодательства. Так, согласно ч. 1 ст. 103 УПК собирание доказательств заключается в проведении не только следственных, но и иных процессуальных действий. Поэтому согласно законодательству сущность ППР включает не только перерыв в совершении следственных действий, но и перерыв в совершении процессуальных действий, направленных на собирание и проверку доказательств по уголовному делу.

УДК 343.13

Ю.А. Матвейчев

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА СОВМЕСТНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ С ОРГАНАМИ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ

Эффективность международного сотрудничества (в особенности в противодействии транснациональной преступности) во многом зависит от механизма предоставления правовой помощи по вопросам уголовного судопроизводства. К широко используемым видам международной правовой помощи по уголовным делам, предусмотренным УПК Республики Беларусь и рядом международных договоров, можно отнести: вызов лица для производства процессуальных действий, передачу на время лица для производства процессуальных действий, передачу лица для отбывания наказания, применение к лицу меры пресечения с целью выдачи, выдачу лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания, выдачу на время лица для производства процессуальных действий, уголовное преследование лица, исполнение судебного решения иностранного государства по уголовному делу, транзитную перевозку лица, передачу предметов, производство иных процессуальных действий.

Практически все исследователи проблем оказания международной правовой помощи по уголовным делам приходят к выводу, что большим местом международного сотрудничества по вопросам уголовного судопроизводства являются большие сроки исполнения просьб (поручений). Для изменения сложившейся ситуации предлагается, во-первых, установить сроки их исполнения, во-вторых, сформировать правовые основы для сношений по вопросам оказания международной правовой помощи непосредственно между территориальными правоохранительными органами, а не через центральные аппараты взаимодействующих субъектов. Но возможен и альтернативный, на наш взгляд, более эффективный способ преодоления имеющихся проблем: развитие института расследования преступлений совместными межгосударственными группами. Правовые основы их создания имеются (ст. 19 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, ст. 49 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, ст. 63 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам стран – участниц СНГ 2002 г.), однако соответствующие нормы не содержат конкретного механизма их реализации и, как следствие, остаются «мертвыми».